

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ПАЛАНТИР

:i p̄č̄m̄r̄m̄ :

: i p̄m̄w̄ p̄č̄q̄j̄m̄w̄č̄ l̄b̄p̄č̄ī l̄m̄p̄w̄b̄r̄b̄ :

:īn̄īn̄ȳm̄īt̄:n̄:r̄q̄ȳ:l̄q̄:īl̄īȳm̄ȳ:
:č̄l̄ȳm̄ī:l̄q̄:č̄n̄ȳȳm̄īm̄īt̄r̄q̄t̄ȳ:

č̄īp̄č̄ ɔɔɔɔ

N°21

ɔɔ

ВНОМЕРЕ:

Из писем Толкина. Перевод Золтана Бардинга. 2
Д. О. ВИНОХОДОВ. Подходы к изучению текстов Толкина . 6
Т.ШИППИ. Дорога в Средьземелье (фрагмент). Перевод М. Каменкович
и В.Каррика. 8
П.Винн. Гибель Глорфиндела (перевод Гириона). . . . 27-28

Отредакции:

*В апреле 1997 года вышел первый номер нашего журнала. Наша главная задача -
делать его интересным; поэтому нам важно мнение наших читателей. Что вы
хотели бы увидеть на наших страницах? Пишите письма!*

Или посетите наш сайт и оставьте запись в Гостевой Книге.

ПАЛАНТИР

№ 21 2000
ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Palantir®

*Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Флорин Эйкинсьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: eondil@mail.ru zoltan@home.ru 2:5030/1171.35@FidoNet
Наши сайты: <http://palantir.da.ru>,
<http://esgaroth.chat.ru>, <http://www.tolkien.spb.ru>

Copyright ©2000, Толкиновское Общество СПб
Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами.
Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского
Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

**Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.**

:: 𐌆𐌆𐌆 𐌚𐌆𐌆𐌆 𐌆𐌆𐌆𐌆 : 𐌆𐌆𐌆𐌆 𐌆𐌆𐌆𐌆

Перевод Золтана Бардинга

Письмо 131. К Милтону Валдману (продолжение).

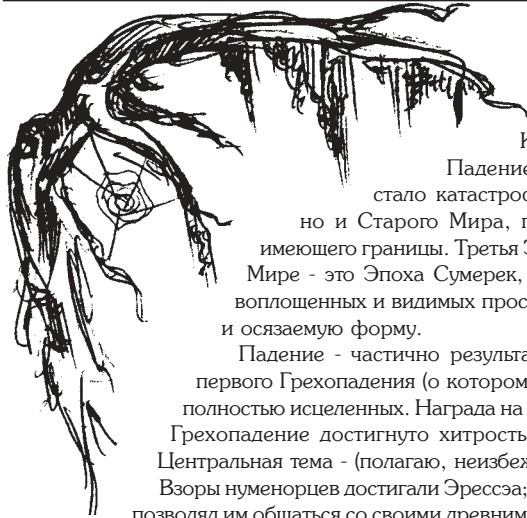
Так Саурон стал почти владыкой Средиземья. Эльфы скрылись в тайных (пока) убежищах. Последнее эльфийское королевство - Гилгалата - находится на западном побережье, где расположены гавани эльфийских Кораблей; Элронд Полуэльф, сын Эарендила, основал небольшое зачарованное убежище *Имладрис* (по-английски *Ривенделл*) на восточном рубеже западных земель.* Саурон же владычествует над все умножающимися ордами Людей, которые не контактировали с Эльфами, и находились в неведении относительно истинных и праведных богов - Валар. Империя Саурона разрастается, и он, владея Единым Кольцом, правит ею из своей темной башни Барад-дур в Мордоре, возвышающейся рядом с Огненной Горой.

Но достиг этого он только благодаря тому, что вложил большую часть своей силы (часто встречающийся и очень существенный мотив в мифах и волшебных историях) в Единое Кольцо. Пока Саурон носил Единое, его сила многократно возрастала; но даже не надевая Кольца, он не терял вложенную в Кольцо силу, не "ослабевал" - лишь если кто-нибудь другой захватит Кольцо и присвоит себе. Случись такое, и обладай новый владелец сильным и героическим характером - он мог бы бросить вызов Саурону, овладеть всем, что было достигнуто с помощью Кольца, и свергнуть старого владельца, заняв его место. В этом была слабость Саурона, и он сознательно допустил ее, чтобы использовать в своих целях - попытаться (практически безуспешно) поработить эльфов, и получить возможность управлять разумом и волей своих слуг. Была и вторая слабость - если бы Единое Кольцо было действительно уничтожено, истреблено - тогда бы его сила исчезла, и сам Саурон бесконечно умалился, превратившись в тень, память о злобной воле. Но этого он не боялся, так как никогда даже не думал об этом. Кольцо было неуязвимо для любой кузни мира, кроме его собственной. Ни в одном пламени мира Оно не расплавилось бы - лишь в древнем подземном огне, в котором было выковано; но он был недоступен, так как находился в Мордоре. Да и сила притяжения Кольца была столь велика, что никто - даже сам Саурон - однажды использовав Кольцо, уже не отказался бы от него, или пытался повредить, или выбросить. Так думал Саурон. В любом случае, Кольцо все равно было на его пальце.

Вторая Эпоха была временем великого Королевства и роста в Средиземьи злой теократии (Саурон был богом для своих рабов). Лучшие и благороднейшие сыны Людей дали начало народу Нуменора, но оставались в простом "Гомеровском" племенном патриархате.

¶¶¶ : i bλγ ρϱϱ : γϱϱ ϱϱϱϱϱ : ϱ

В *Нуменоре* правили потомки Элроса, сына Эарендила, брата Элронда - срок их жизни был длинным, а правление - славным; с ними росло богатство и мудрость Королевства. *Падение Нуменора*, Второе

Падение Людей (Людей очищенных, но смертных) стало катастрофическим концом не только Второй Эпохи, но и Старого Мира, первоначального мира легенд - плоского и имеющего границы. Третья Эпоха начинается в изломанном и измененном Мире - это Эпоха Сумерек, когда кончается время Эльфов - полностью воплощенных и видимых простому взору, и когда Зло тоже теряет видимую и осязаемую форму.

Падение - частично результат внутренней слабости Людей; - следствие первого Грехопадения (о котором молчат эти предания), - раскаявшихся, но не полностью исцеленных. Награда на земле более опасна для людей, чем наказание! Грехопадение достигнуто хитростью Саурона, использовавшего эту слабость. Центральная тема - (полагаю, неизбежная в истории Людей) - Запрещение.

Взоры нуменорцев достигали Эрессэа; и язык Эльфов, изученный во времена Союза, позволял им общаться со своими древними друзьями и союзниками - из самой восточной части "бессмертных" земель, или из королевства Гилгаллада с побережья Средиземья. Как внешне, так и по силе мысли нуменорцы мало отличались от Эльфов - но оставались смертными, хоть и были вознаграждены утроенной (если не более) продолжительностью жизни. Их награда стала для них роком и тяжелым испытанием. Долгая жизнь дала им возможность стать искусными и мудрыми, но также породила и желание *как можно дольше* наслаждаться плодами своих трудов. Отчасти это было открыто богам - потому они с самого начала установили для нуменорцев Запрет путешествий на запад - от дарованной им земли они вольны были плыть на юг, север или восток, но не в сторону Эрессэа. Им нельзя было ступать на "бессмертные" земли - ибо они были бы очарованы бессмертием на кругах этого мира; а это против закона Людей, данного им Илуватором (Богом) как особый дар, или проклятие; да и природа людская не вынесла бы такого бессмертия.**

Люди отпали от благодати, но падение это произошло не сразу, а в три этапа. Сначала они уступали Запрету, добровольно и охотно, хотя и без особого понимания. Потом долгое время они повинивались неохотно, ропща и все более открыто высказывая свое недовольство. Наконец вспыхивает мятеж - начинается раскол между лояльными Королю восставшими, и преследуемым меньшинством Верных.

На первом этапе, нуменорцы были мирными путешественниками, отважными мореходами. Как потомки Эарендила, они были весьма искусными моряками и плавали повсюду, кроме Запада. В основном, они посещают побережье Средиземья, где помогают людям и эльфам бороться против Саурона, навлекая на себя его бессмертную ненависть. Приходя к Диким Людям, нуменорцы приносят им дары искусства и знания, как небесные благодетели - и снова уплывали, оставляя за собой легенды о королях и богах с заката.

На втором этапе, во дни Гордости и Славы, они, еще сдерживаемые Запретом, начинают искать скорее богатства чем благословения - желание избежать смерти породило культ мертвых и они расточали свое богатство и умения на пышные гробницы и памятники. Они основали поселения на западном побережье Средиземья - замки и поместья господ, наживающих богатство. Они обложили данью меньшие народы, и их огромные корабли уходили на закат груженные товарами. Нуменорцы начали ковать оружие и изобретать машины.

Этот этап закончился, и начался новый по восшествию на престол тринадцатого⁴ короля из линии Элроса, Тар-Калиона Золотого, самого могущественного и гордого из всех королей. Узнав, что Саурон принял титул "Король Королей и Владыка Мира", он решил повергнуть "конкурента".

᠓᠕᠐ ᠸ᠕᠓᠊ ᠪ ᠓᠓ ᠷᠦ᠐ ᠪ᠓ ᠴᠦ᠎ᠢ :

Во всей своей силе он пришел в Средиземье, и так были нуменорцы сильны и ужасны во дни своей славы, что слуги Саурана дрогнули и бежали перед ними. Саурон склоняется перед Тар-Калионом, сдается ему - и в качестве пленника и заложника отправляется за море. Но благодаря своим знаниям и хитрости, он быстро превращается из раба в первого советника Короля, и совращает его, и большинство владык Нуменора. Он отрицает существование Бога, говоря, что Единого придумали ревнивые Валар, для прорицания собственных желаний. Главный же из богов - в Бездне, кто восторжествует в конце концов и наградит своих слуг целыми мирами, созданными для них. Запрет же придуман для того, чтобы Короли Людей не стали бессмертными, сравнившись с Валар.

Под властью Саурана возникает новая религия - служение Тьме, возводится храм, где приносят в жертву Верных. Нуменорцы несут свое зло в Средиземье, где становятся злыми и жестокими властелинами; некромантами, убийцами и мучителями. Старые легенды затмеваются темными преданиями ужаса. Только Северо-Запад свободен от этого; туда, к Эльфам, плавают только Верные. Главная гавань Верных - в устье большой реки Андун. Отсюда все еще распространяется благотворное влияние Нуменора - вверх по реке, вдоль побережья до поселений Гилгалада; и где известно Общее Наречие.

Но наконец замысел Саурана близок к завершению. Тар-Калион чувствует старость и приближение смерти, и он выслушивает последний совет Саурана - строит самый большой флот из существовавших доселе и направляется на Запад, нарушая тем самым Запрет и начиная войну против богов за "вечную жизнь на кругах мира". Видя этот мятеж, насколько глупый и богохульный, настолько и опасный (ведомые Сауроном нуменорцы могли превратить весь Валинор в руины), Валар отказались от своей воплощенной власти и обратились к Богу, прося силы и разрешения этой ситуации. Так старый мир был сломан и изменен. Нет более на земле божественной или бессмертной земли; Валинор (или Рай) и Эрессэа были изъяты из этого мира, оставшись лишь в памяти. В земле образовалась огромная трещина, куда хлынула вода. В этой пучине утонула армада Тар-Калиона, а Нуменор, стоявший на краю трещины, опрокинулся в нее и исчез под водой. Мир стал круглым, конечным - Люди вольны теперь плыть на запад - они вернутся с востока, так и не найдя Валинора или Благословенной Земли. Круг замкнулся - и лишь смерть позволит выйти из него. Лишь "бессмертные" эльфы, если, устав от мира, пожелают покинуть его и взойдут на корабль - найдут прямой путь на Древний, Истинный Запад, чтобы жить там в покое.

Примечания:

* Элронд символизирует средоточие древней мудрости, и его Дом представляет Знание - сбережение благоговейной памяти обо всем хорошем, мудром и прекрасном. Здесь нет *действия*, а лишь *отражение*. Этот Дом посещают на пути ко всем делам или приключениям - он может быть на прямом пути (как в "Хоббите") или полностью изменяет направление; так, во "Властелине Колец", герой убегает от преследующего его зла к Элронду - и уходя от него, направляется к источнику зла.

** Показано (и позже проявляется в случае с хоббитами, которые некоторое время обладали Единым Кольцом) что каждый "Род" живых существ имеет свой естественный срок жизни, связанный с его биологической и духовной природой. Этот срок не может быть *увеличен* качественно или количественно; так, продление жизни было подобно натягивающейся пружине, или "размазыванием масла все тоньше и тоньше" - невыносимым мучением.

(окончание следует)

᠘ ᠲᠦ᠋ᠰᠢᠮᠠ ᠠᠨᠲᠠ : ᠶᠢᠨ ᠡᠬᠡᠨᠠᠭᠤᠨ :
ᠰᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠰᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕСТОВ ТОЛКИНА
(тезисы доклада, зачитанного на заседании круглого стола
“Профессор Толкин и его наследие” 22 апреля 2000 г.)

Виноходов Д. О.
wb@ctinet.ru

Среди исследователей творчества Дж. Р. Р. Толкина встречается разное отношение к трактовке текстов относящихся к циклу по истории Арды. Можно выделить и обозначить три основных подхода: филологический, канонистическо-историографический и исторический.

Первый из них, *филологический*, без сомнения, наиболее реалистичный, предполагает понимание книг Дж. Р. Р. Толкина, как литературных произведений, связанных с объективной реальностью лишь через их родство с эпическими циклами народов северной и западной Европы, католической религиозной концепцией и английской литературной традицией. Этот подход весьма ценен тем, что дает возможность вскрыть корни, а также проследить эволюцию взглядов Дж. Р. Р. Толкина на различные аспекты описанных им событий. Сознвая безусловные преимущества этого подхода, мы вынуждены констатировать его явную недостаточность для решения тех задач, которые связаны с анализом внутренней повествовательной структуры и событийной стороны его книг.

Два других подхода истоковывают книги Дж. Р. Р. Толкина, как некие квази-исторические документы, чудом сохранившиеся в течение многих веков, и описывающие события, произошедшие в далеком прошлом. Но между ними есть существенная разница. *Канонистическо-историографический подход* основан на безоговорочном доверии к тем текстам, которые исследователь считает “каноническими”, и полном отрицании фактов, описанных в текстах неканонических, в том случае, если факты эти противоречат каноническим текстам. Существуют разные мнения относительно того, какие тексты следует считать каноническими. В зависимости от ситуации, к таковым могут относить: а) книги, опубликованные самим Дж. Р. Р. Толкином при жизни (“Хоббит”, “Властелин колец”), б) “серьезные” произведения, которые Дж. Р. Р. Толкин опубликовал, или планировал опубликовать (“Властелин колец”, “Сильмариллион”, но не “Хоббит”, который, якобы не серьезен и написан исключительно для малышей), в) только самые последние по времени написания мысли Дж. Р. Р. Толкина, относящиеся к какому-либо конкретному вопросу.

Подобное отношение к книгам Толкина вызывает у нас решительные возражения. Дело в том, что сам писатель очень бережно относился ко всем своим произведениям, но предпочтение, по-видимому, все же отдавал именно тем из них, что так и не были опубликованы при его жизни. “*Им [издательству Allen&Unwin - ДВ] было нужно продолжение “Хоббита”. Но мне были нужны героические легенды и высокий романтизм*” - пишет Дж. Р. Р. Толкин в письме к Кристоферу Бретергону. Кристофер Толкин по этому поводу тоже высказывается достаточно определенно. В предисловии к “Книге утраченных сказаний он пишет: “...не вызывает сомнения тот очевидный факт, что для создателя Средиземья и Валинора все их эпохи, страны и обитатели взаимосогласованы и неразрывно связаны вне зависимости от художественной формы и от того, как преобразались отдельные части замысла на протяжении всей его жизни”. Поэтому канонистическо-историографический подход, независимо от того, какие тексты считать каноническими, нам кажется ущербным в той же мере, в какой ущербно толкование

Հիմնական իշխման : ինքնաշարժ : ժամ

реальных исторических событий, основанное на каком-либо одном историческом документе. Кроме того, этот подход противоречит самому себе. Если мы считаем тексты, написанные Дж. Р. Р. Толкином некими списками, либо переводами реально существовавших квази-исторических текстов, то и относиться к ним следует, как к различным переводам различных полноценных текстов, реально существовавших в нескольких вариантах, и зачастую противоречащих друг другу (как то наблюдается сплошь и рядом среди документов реальной истории человечества), а не как к черновикам одного и того же текста. Ситуация усугубляется тем, что даже в одной и той же книге зачастую встречаются фрагменты, противоречащие друг другу. Поэтому неудивительно, что сторонники канонистическо-историографического подхода очень часто и неизбежно попадают в такие ситуации, которые заставляют их изменять список канонических книг Дж. Р. Р. Толкина, а также вводить и постоянно пересматривать сложные системы иерархии текстов по их достоверности. Справившись с одной проблемой они тут же сталкиваются с новой и для ее решения вновь вынуждены менять свои сложные построения. Тем не менее, и этот подход имеет свою ценность. Например, некоторые системы иерархии текстов по их достоверности могут быть с успехом использованы и в историческом подходе к трактовке текстов Дж. Р. Р. Толкина.

Исторический подход предполагает аутентичность всех текстов, написанных Дж. Р. Р. Толкином о мире Арды. Противоречия одних текстов другим рассматриваются не как досадная ошибка автора, которую необходимо немедленно вычеркнуть из картины мира, а как повод для анализа различных вариантов описания событий. Такой анализ дает возможность не только вычленивать наиболее вероятные, непротиворечивые и достоверные описания и трактовку событий, но и сделать определенные выводы относительно причин, по которым описание в том, или ином случае произведено так, а не иначе. Кроме того, исторический подход дает возможность привлечь к анализу событий в Арде разнообразные исторические теории и концепции, разработанные для реальной истории человечества. А они, в свою очередь, позволяют проводить обоснованную реконструкцию отдельных темных периодов истории Арды. Таким образом, по нашему мнению, только исторический подход дает возможность исследовать живую историю Арды, а не подменять это исследование историографией, т. е. изучением собственно источников. Использование исторического подхода при изучении текстов Дж. Р. Р. Толкина может многим показаться ненаучным. Однако, в ряде случаев он вполне оправдан. Не напрасно в предисловии к первому изданию “Книги утраченных сказаний” Кристофер Руэл Толкин пишет: “мы имеем полное право исследовать этот мир вне зависимости от литературоведческих соображений, и попытка самым подробным образом выяснить его устройство, начиная с мифа о Сотворении, будет совершенно правильной”, и далее: “в принципе, такие исследования вполне законны; они основываются на отношении к вымышленному миру как к предмету наблюдения и изучения, который ничуть не хуже множества других предметов наблюдения и изучения в нашем слишком прозаическом мире”.

ᄃᄂᄃ ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ : ᄃ ᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ :

трезвого, спокойного, компетентного подхода к трилогии Толкина, которая за время, истекшее с ее выхода в свет (1954-1955) успела не только завоевать сердца читателей во всем мире и породить множество самоотверженнейших Толкиновских обществ, устно и в печати занимающихся ее исследованием, но и обрасти толстым слоем самой что ни на есть глубокомысленной чепухи (как видно из книги, почин этому положили английские критики-литературоведы), восторженных, но бьющих мимо цели панегириков и чешуей уверенного в себе невежества. Самое грустное, что в этом хоре слышны теперь и русские голоса. О чем говорить, если столь обычно аккуратная и просвещенная газета “Русская Мысль” за один только 1998 год ухитрилась дважды допустить к печати совершенно неадекватные суждения по поводу книг Толкина — мы говорим об этом частном случае не для того, чтобы бросить камень в огород “Русской мысли”, а как о характерном проявлении общей тенденции. В одной из статей говорится, что “мир Толкина достаточно агрессивен” (и это о книге, главный пафос которой — в отказе от преимуществ Силы, Власти и Агрессии!), в другой утверждается, что Толкин “предпринял попытку популяризовать ирландский эпос”, но “на самом поверхностном уровне”(!)(РМ номер 4217, 5-9 апреля 1998, “День св.Патрика в Москве”, В.Алексеев). В течение всей своей взрослой жизни Толкин создавал (а не популяризовал!) собственную разветвленную мифологическую систему, задуманную именно “в противовес” ирландским мифам — в возмещение отсутствующих английских. А что касается “поверхностного уровня”, то, прочитав книгу Шиппи, читатель сможет по достоинству оценить это замечание.

Хочется надеяться, что выход в свет “Истории Средьземелья” положит если не конец, то разумный предел произволу мнений и домыслов. Возможно, те, кто видит в книгах Толкина лишь развлекательное чтение или сырой материал для ролевых игр, сочтут ее нестерпимо длинной, чересчур обремененной специальными сведениями, чрезмерно “ученой”. Что же подделаешь — Шиппи слишком уважает своего читателя, чтобы упрощать или разжевывать: он справедливо полагает, что у читателя имеются и свои собственные зубы, — а также голова.

К сожалению, в переводе “Дорога в Средьземелье” кое-что теряет, несмотря на то, что это не стихи и не художественная проза. “За бортом” остаются насквозь пропитавшая текст неподражаемая английская ирония, которая живет и дышит лишь в тесных рамках английского языка, и та особая подкладка, которую различит только англичанин, вскормленный на стихах “Матушки Гусыни”, вместо царя Гороха поминающий Доброго Короля Коля и еще в детстве не раз пытавшийся пересчитать таинственные доисторические Роллрайтские Камни — и всегда получавший новый результат! Он едет к себе домой на автомобиле по двухтысячелетней римской дороге, мимо церкви, заложенной королем Альфредом задолго до крещения Руси, и нам за ним не угнаться. Но если он откроет дверцу и предложит подвезти — возможно, и мы что-то почувствуем и поймем, и станем на целый сундук с сокровищами богаче.

Мария Каменкович

Источники и сокращения. (От автора).

Меня несколько раз недвусмысленно предупреждали, что писать эту книгу опасно. В

කතෘ චරිත චරිත : ඉන්ටර් ටෙක්ස් :

том числе, получил я такое предупреждение и от самого профессора Толкина: прочитав очень короткий и очень ранний отрывок из нее (это было более двадцати лет тому назад), он отозвался на это со всей возможной любезностью, намекнув, что он хотел бы “побольше поговорить” со мной “по поводу `авторского замысла`, по поводу того, как он прочитывается или ощущается в большой, оконченной работе, и о том, как трансформируются реальные события или переживания в процессе собственно сочинения и какими их видит или ощущает бодрствующий разум”. Очевидно, он чувствовал, что я слишком рано уверился в том, что выявил “замысел” Толкина и, как это обычно случается с литературными критиками, уже успел чересчур привязаться к собственной схеме. За несколько лет до того, в своей “Прощальной речи в адрес Оксфордского Университета” (ныне опубликованной в сборнике его эссе), он ясно дал понять, что придерживается весьма низкого мнения о “литературоведческом исследовании” как таковом, а его письма говорят о том, что с особенно большим подозрением относился он к изучению возможных “источников” его собственного творчества. Однако в книге, которая предлагается вниманию читателя ныне, я наперекор всему продолжаю говорить о “замысле” и “источниках”. Поэтому можно сказать, что в некотором смысле она расходится со своим предметом — или, лучше сказать, с желаниями того, кто этот предмет создал. И все же я смею надеяться, что, поскольку я

получил предупреждение на ранней стадии и учился по плану, который был некогда одобрен самим профессором Толкином (и которому в большинстве случаев он следовал сам), я поддался “морозу” не в такой степени, как многие другие. Поэтому прежде всего я должен воздать благодарность именно профессору Толкину — за быстрый и благосклонный ответ на мое письмо.

Эта книга не могла бы быть написана без неоценимой помощи, которую я почерпнул в трех работах Хэмфри Карпентера — “Дж.Р.Р.Толкин: Биография”, “Инклинги” и “Письма Дж.Р.Р.Толкина” (последние были изданы Х.Карпентером с помощью Кристофера Толкина). Эти работы снабдили мои исследования необходимым каркасом, и я постоянно ссылаюсь на них. Более того, и Карпентер, и Кристофер Толкин прочли не одну сотню строк данной работы, когда она была еще в рукописи, и, отнесясь к ней вдумчиво и великодушно, исправили множество ошибок, как фактических, так и интерпретаторских. Оставшиеся ошибки остаются целиком и полностью на моей совести, равно как и основное направление моей аргументации, которого, впрочем, не смог бы изменить никакой советчик. Я в большом долгу у Райнера Анвина, который в течение длительного времени оказывал мне ненавязчивую моральную поддержку, а также у миссис Пам Армитидж, которая с исключительной тщательностью по многу раз перепечатывала мой текст по мере внесения в него исправлений.

Бывшие и теперешние друзья и коллеги снабдили меня большим количеством добавочной информации. Особенно я признателен Джону Бурну, Лесли Барнетт, Дженет и Малькольму Годденам, Тони Грину, Констанс Хайатт, Дэвиду Мэссону и Рори МакТурку. Многие толкинисты, как входящие, так и не входящие в Толкиновское Общество, помогли мне по ходу дела уточнить множество разнообразных деталей. Я должен особенно поблагодарить Рону Бир и Джессику Йитс — за множество длинных писем и дополнений к тексту, а также Чарльза Ноуда и Гарри Кьюриса. Некоторым из этих вкладов я отдаю должное

ᐱᐱᐱᐱ ᐱᐱᐱᐱ : ᐱᐱᐱᐱ ᐱᐱᐱᐱ : ᐱ

более подробно непосредственно в тексте и примечаниях к нему.

Издательство “Cornell University Press” любезно позволило мне пересказать здесь суть моей статьи “Творение из филологии во “Властелине Колец”, опубликованной ранее в книге “J.R.R. Tolkien, Scholar and Story-Teller: Essays in Memoriam”, изданной Мэри Сэйлу и Робертом Т. Фарреллом, на которую Корнелльский университет сохраняет издательские права; я должен также поблагодарить владельцев толкиновского наследия за разрешение перевести четыре стихотворения, приводимых в “Приложении Б”. И они, и издательство Харпер-Коллинз дали мне также разрешение приводить любые цитаты из опубликованных работ Толкина. Я признателен также издательству “Oxford University Press” за разрешение цитировать “Оксфордский Словарь Английского Языка”, и прежде всего главному редактору ОСА Роберту Бачфилду, который дал мне это разрешение, милостиво не обратив внимания на камни, которыми Толкин и я забросали огород его предшественников. Впрочем, нет нужды повторять здесь то, что и так всем известно — что ОСА был и остается самой полезной из всех книг, к которым мог бы прибегнуть критик, имеющий дело с английскими текстами.

Если говорить о цитировании древних текстов (что практикуется в данной книге довольно часто), то эти цитаты не снабжены здесь полными ссылками в академическом стиле. Отчасти я пошел на это потому, что массовому читателю подобная дотошность никакой особенной пользы не принесла бы. Но главная причина в том, что нет такого предмета, по отношению к которому стандартные издания были бы менее применимы, чем по отношению к работам Толкина. Он знал и “Беовульфа”, и “Англосаксонское поэтическое наследие”, и “Старшую Эдду”, и “Перл”, и “Сэра Гавэйна”, и Сакса Грамматика лучше большинства издателей, — даже в тех случаях, когда этим издателем, а в ранние времена он издал несколько старинных текстов, был он сам. Поэтому, хотя я и ссылаюсь на “стандартные издания” и цитирую их, особенно в Приложении А, в основном цитаты приводятся по оригинальным рукописям, и зачастую я придаю им здесь именно ту форму, какую считаю наиболее “толкиновской”. Что касается древнеанглийского и древнескандинавского, то я использовал здесь обозначения длины гласных, аналогичные тем, что употреблялись Толкином во “Властелине Колец”, хотя я не воспользовался ими ни в разговоре о “Хоббите”, ни в таких часто употребляющихся именах, как Беовульф (правильно: *Beowulf*). Все переводы на английский, кроме специально оговоренных случаев, принадлежат мне.

Более полный список биографических деталей и библиография множества отдельно опубликованных стихов и ученых статей Толкина приводится в ЖК, на сс.268-75.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Все цитаты из “Хоббита” и “Властелина Колец” приводятся по изданию: “Властелин Колец. Хоббит”, в 4-х книгах, пер. М.Каменкович, В.Каррика, С.Степанова, С.-Петербург, “Азбука”, 1995. Все другие переводы, за исключением специально оговоренных случаев,

᠘ᠠᠶᠢᠴᠢᠶᠢᠨ : ᠵᠣᠨᠨᠢ ᠨᠠᠵᠢ : ᠶᠢᠨᠨᠢ ᠵᠢᠨᠨᠢ ᠪ

принадлежат М.Каменкович.

В тексте (первых пяти глав) использованы следующие сокращения:

англ. — английский

В.К. — Валерий Каррик

ДраП — сборник “Древнеанглийская поэзия”, М.1982, “Наука”

ЗЭ — “Западноевропейский эпос”, Лениздат 1977.

И — Хэмфри Карпенгер, “Инклинги” (Humphrey Carpenter, *The Inklings: C.S.Lewis, J.R.R.Tolkien, Charles Williams and their friends*, London, Unwin Paperbacks, 1978)

кн. — книга

КС31 и 2 — “Книга забытых сказаний”, ч.1 и 2 (“*Book of Lost Tales*”, Part 1,2 ed. by Christopher Tolkien (London: George Allen&Unwin, 1983).

лат. — латынь

“ММ” — К.С.Льюис, “Мерзейшая мощь”, цитируется по изданию: К.С.Льюис, *Космическая трилогия*, С.-Петербург, “Северо-Запад”, 1993, сс. 331-596.

М.К. — Мария Каменкович

“ОВС” — эссе “О волшебных сказках”, русский перевод С.Кошелева в кн.: Толкин Дж.Р.Р., “Приключения Тома Бомбадила и другие истории”, СПб, “Академический проект”, 1994.

ОСА — “Оксфордский словарь английского языка”: *The Oxford English Dictionary* (13 vols, Oxford: Clarendon press, 1933 and Supplement in 4 vols, 1972-86). 13 томов 1933г. представляют собой репринт словаря *new English Dictionary on Historical Principles*, в 10 томах, 1884—1928.

П. — “Письма Дж.Р.Р.Толкина”: *Letters of J.R.R.Tolkien*, ed. by Humphrey Carpenter & Christopher Tolkien (London: George Allen&Unwin, 1981).

пер. — переводчики

прим. — примечание

“ПТБ” — сборник стихов “Приключения Тома Бомбадила”, русский перевод С.Степанова, в кн.: Толкин Дж.Р.Р., “Приключения Тома Бомбадила и другие истории”, СПб, “Академический проект”, 1994.

Рук. — “Руководство к переводу имен во “Властелине Колец”: “A Guide to the Names in *The Lord of the Rings*”, в кн. *A Tolkien Compass*, edited by Jared Lobdell (La Salle, Illinois: Open Court, 1975), pp. 153-201

сб. — сборник

см. — смотри

ср. — сравни

“Сэр Гавэйн” — “Сэр Гавэйн и Зеленый Рыцарь”, *Sir Gawain and the Green Knight*, edited by J.R.R.Tolkien and E.V.Gordon (Oxford: Clarendon Press, 1925), а также: *Sir Gawain and the Green Knight, Pearl and Sir Orpheo*, translated by J.R.R.Tolkien, edited and with a preface by Christopher Tolkien (London: George Allen&Unwin, 1975).

Т.Ш. — Том Шиппи

“Фермер Джайлс” — “Фермер Джайлс из Хэма”, в кн.: Толкин Дж.Р.Р., “Приключения

ᚷᚢᚰ ᚱᚢᚱᚢ ᚷᚱᚢ ᚱᚰᚱ : ᚷᚢᚰᚷ ᚱᚱᚱᚢ :

Томы Бомбадила и другие истории”, СПб, “Академический проект”, 1994, сс.49-122, в пер. А.Ставиской, а также в кн.: “Сказки старой Англии”, М., “Мастер”, сс., в пер. Г.Усовой.

- ХК — Хэмфри Карпентер, “Биография”: *J.R.R.Tolkien: a Biography*, by Humphrey Carpenter (London: George Allen&Unwin, 1983).
- ЧиК — “Беовульф: Чудовища и критики”: “Beowulf: the Monsters and the Critics”, *Proceedings of the British Academy*, vol.22 (1936), pp.245-95. Перепечатано в сборнике эссе Дж.Р.Р.Толкина (*The Monsters and the Critics and other essays*, edited by Christopher Tolkien (London: GeorgeAllen&Unwin, 1983)).
- “AW” — “Ancrene Wisse”, в кн. “*Ancrene Wisse and Hali Meidhad*”, *Essays and Studies* vol.14 (1929), pp. 104-26.
- ed. — edited (“издана, изданный”).
- EW — эссе “Английский и валлийский”: “English and Welsh”, в сборнике *Angles and Britons: O'Donnell lectures* (Cardiff: University of Wales Press, 1963), pp.1-41. Перепечатано в сборнике эссе Дж.Р.Р.Толкина (*The Monsters and the Critics and other essays*, edited by Christopher Tolkien (London: George Allen&Unwin, 1983)).
- “Memoriam essays” — *J.R.R.Tolkien, Scholar and Story-Teller: Essays in memoriam*, edited by Mary Salu and Robert T.Farrel (Ithaca and London: Cornell University press, 1979).
- “OES” — “The Oxford English School”, *The Oxford Magazine*, vol.48, no.21,29, май 1930, pp.778-82.
- p. — page, страница.
- vol. — volume, том.
- YWES — главы “Philology, General Works”, в сборнике “*The Years Work in English Studies*”, vols 4-6, 1923-5. Цитаты приводятся по номеру тома и странице.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

За те десять лет, которые истекли со времени выхода в свет первого издания “Дороги в Средьземелье”, в свет вышли девять томов ранее неопубликованных текстов, принадлежавших перу профессора Толкина. Сюда вошли как отрывки, так и законченные произведения. Наряду с этим, был опубликован том его академических эссе, включающий некоторый новый материал, в том числе “реконструированное” издание древнеанглийских стихотворений “Исход” и “Финнсбург”. Каждая из этих новых публикаций способна привести в трепет исследователя, который задался целью объяснить, “как творил Толкин” или “что должен был думать Толкин на самом деле”. В основном, как я считаю, мне удалось отделаться довольно легко. Прошедшие годы и опубликованные тома принесли мне несколько буквальных подтверждений того, о чем я только догадывался. Так, подтвердилась моя догадка о том, что в толкиновском языке “ангел” означает “посланник” (см. прим.(13) к гл.5, ниже, и ср. с.422 тома “Предательство Исенгарда”; прав я был и касательно важности

древнемерсийского (см. сс. 111-12, ниже, и ср. с.257 тома “Саурон Победенный”). Конечно, когда речь идет о филологии, о реальной научной дисциплине, все должно быть десять раз проверено и перепроверено. Я был рад, когда Андерсу Стентстрему, который гостил у меня в Лидсе в 1984г., удалось обнаружить в сборнике трудов Лидского университета за 1922г. анонимное стихотворение на среднеанглийском, которое, по всей видимости, как мы согласились, принадлежит Толкину; но я был рад не меньше, когда сделанные мной предположения относительно допущенных в тексте опечаток были подтверждены Кристофером Толкином на основе рукописи его отца (см. журнал Шведского Толкиновского Общества, “Арда”, выпуски 4 (за 1984г.) и 6 (за 1986г.), где Стентстрем рассказывает об этом стихотворении и о том, как он его отыскал.

Но открылись также и несомненные упущения: так, в предпринятом мной аллегорическом толковании “Листа кисти Ниггля” на с.40 предыдущего издания, мне не следовало писать `его собственное дерево, т.е. “Властелин Колец” — “его собственно дерево” представляло собой нечто гораздо более ветвистое. Вопреки замечанию, сделанному мной на с.70 первого издания, Саурон не был плодом “позднего вдохновения”, но существовал и раньше; ну, а замечание, брошенное мной на с.241 — “В некотором смысле, Средеземелье этим и исчерпывается” — было всего лишь попыткой искушать Провидение. Однако в целом, если учесть, какими я располагал сведениями, я рад, что мне не пришлось существенно изменять свой текст.

Но вернусь к письму, которое профессор Толкин написал мне 13 апреля 1970г. Если помнить, что это было письмо от того, кто достиг вершин в своей профессии, к тому, кто стоял тогда у самого подножия, то это письмо представляет собой чудо любезности, и я был им крайне польщен. “Я не любитель отделяться от людей с помощью формальных изъявлений благодарности... одно из самых близких моему сердцу писем, или даже самое близкое... Ваше внимание делает мне честь”. И все же, и все же... Мне следовало догадаться — и, возможно, я почти об этом догадывался, поскольку сам привык говорить на этом наречии — что это письмо было написано на специализированном вежливом языке Старого Человека Запада, а в этом языке сомнения и возражения находятся в прямой пропорции к уклончивости изъяснения. Письмо профессора содержало в себе невидимые кавычки, и сегодня я в состоянии восполнить недосказанное: “Я соглашаюсь почти со всем, что Вы мне говорите; мне только жаль, что у меня нет времени побольше поговорить с Вами о Вашей работе, особенно по поводу “ авторского замысла”, по поводу того, как он прочитывается или ощущается... бодрствующим разумом в процессе реального сочинения”.

У меня ушло двадцать лет на то, чтобы расшифровать смысл этих слов (и, кроме этого,

Λῆξις : ἱστορικὸν ἔργον : ἱστορικὸν ῥῆμα :

мне пришлось тщательнейшим образом изучить пятнадцать солидных томов, которые в 1970г. были для меня еще не доступны). Толкин закончил свое письмо ко мне пословицей: “Срочного дела откладывать нельзя, — и все же лучше поздно, чем никогда?” Я могу только переписать его слова как они есть, вместе с вопросительным знаком.

Глава 1.

“Лиг. и яз.”

Старые антипатии

“Немногие взрослые читатели захотят перечесть эту книгу еще раз”. Этими словами анонимный обозреватель литературного приложения к “Таймс” (25.11.1955г.) подытожил свое суждение о “Властелине Колец” Дж.Р.Р.Толкина. Должно быть, обозревателю казалось тогда, что, выступая с таким пророчеством, он ничем особенно не рискует, поскольку ясно, что сегодня вообще мало кто из взрослых (да и детей) перечитывает книги, да еще такие длинные, как “Властелин Колец”. Тем не менее обозреватель угодил пальцем в небо: большей ошибки совершить было невозможно. Но промах “Таймса” не остановил критиков. Через шесть лет, после того, как все три тома “Властелина Колец” выдержали каждый в отдельности по восемь-девять изданий (и это только в твердой обложке!), некто Филипп Тойнби выразил в журнале “Обзервер” удовлетворение по поводу того, что книгу, как он выразился, стали покупать гораздо реже (6.8.1961г.). Тойнби объявил, что большинство наиболее пламенных поклонников профессора Толкина начинает, как он выразился, “продавать свои акции”, и “в наши дни эти книги постепенно погружаются в пучину милосердного забвения”. Через пять лет количество проданных экземпляров американского издания “Властелина Колец”, стремительно увеличиваясь, перевалило за первый миллион, что дало толчок волне прилива, которая так никогда и не отбежала на исходные рубежи 1961г., хотя и уровень 1961г. можно считать более чем респектабельным.

Дело здесь не в том, что обозревателям иной раз случается ошибиться; они ошибаются так часто, что на их ошибках не стоило бы останавливаться отдельно. Удивительно то, с каким извращенным упорством настаивают они на своих ошибочных оценках, и добро бы речь шла только о литературных достоинствах той или иной книги: тут к ним никто не стал бы придираться, ведь в этой области ничего нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Нет, — они говорят об общественном признании, о спросе на книги, хотя тут-то поставить их на место как раз не представляет никакой трудности, при чем для сомнений не останется даже самой узкой лазейки. С теми из критиков, которые нашли в себе силы признать за факт, что некоторым читателям Толкин все-таки нравится, дела обстоят не намного лучше. В чем же секрет популярности этой “белиберды”, спрашивает сам себя некто Эдмунд Уилсон из газеты “Нэйшн” (14.4.1956)? Надо думать, умозаключает он, разгадка в том, что “некоторые читатели — и в Британии таких, возможно, больше, нежели где-либо еще — на всю жизнь сохраняют вкус к подростковому чтиву”. Примерно за двадцать пять лет до цитируемого выступления этому критику случилось однажды — в его же книге под названием “Замок Акселя” — произнести небольшую увещательную проповедь в

ᚱᚳᚱ·ᚱᚳᚱᚳ : ᚱᚳᚳᚳᚳ ᚱ ᚳᚳᚳᚳ ᚳ ᚳᚳᚳ

адрес тех, кто нетерпим ко всему новому в литературе:

“Неплохо бы помнить, — пишет он, — что наш внутренний отклик на вызов, который бросает нам новая литература с ее суггестивным языком, во многом необъясним. Всякий раз, характеризуя какую-нибудь новую и непривычную вещь, которая не имела счастья задеть нас за живое, мы не стесняемся утверждать, что это-де “белиберда” или “бессмыслица”. И все же если кто-нибудь заявит, что его эта вещь взволновала и что он извлек из ее чтения удовольствие или пользу, мы будем обязаны поверить ему на слово”(1).

Нельзя не признать: правило хорошее. Но к тому времени, как господин Уилсон добрался до “Властелина Колец”, он, по-видимому, успел об этом правиле **позабыть**. А может быть, в процитированном отрывке “мы” просто следует везде заменить на “вы”, и все встанет на свои места?

Похожую игру с местоимениями устраивает в книге “Современная фантастика” критик К.Н.Манлав (1975г.). Эта книга развивает мысль о том, что из всех произведений современной фантастики верными “первоначальной идее” остались только те, которые, подобно критической заметке Эдмунда Уилсона, находятся как минимум в оппозиции по отношению к популярности Толкина — популярности, которая в 1975г., конечно же, бросалась в глаза сильнее, чем в 1956г. Манлав полагает также, что “вся эта суета” вокруг Толкина — возможно, не более чем общенациональное заблуждение, хотя ему лично приятнее обвинить в этом Соединенные Штаты и “вечное американское томление по корням”. Может быть, однако, дело только в большом объеме толкиновской книги и ни в чем другом?

“Без сомнения, — пишет Манлав, — количество страниц, которое приходится перевернуть читателю, уже само по себе может сделать повествование увлекательным. Когда встречаешься с великой книгой вроде эпоса Мэлори, возникает почти что уверенность, что в объеме-то вся и суть. Но книга Толкина — совсем другое дело, ведь ей так и не удалось особенно увлечь нас”(2).

Кто именно скрывается под этим “нас”? Читатели “Современной фантастики”? Читатели “Властелина Колец”? Разумного ответа на этот вопрос в природе не существует. Эта критика кичится своей эрудицией, но, как и в случае с Тойнби, Уилсоном и анонимным обозревателем литературного приложения к “Таймс”, строит свои аргументы на голом отрицании. Читателям не понравится “Властелин Колец”, читателям не нравится “Властелин Колец”, “Властелин Колец” им уже разонравился. И дело с концом.

Я думаю, что эссе Манлава не только раздосадовало бы Толкина, но и на некий извращенный манер позабавило его. Ему и раньше приходилось сталкиваться с подобной критикой. По сути, именно она предоставила ему основной материал для лекции, прочитанной им в 1936г. в Британской Академии и поддразнивающе озаглавленной “Беовульф: чудовища и критики”. В этой лекции шла речь о критиках “Беовульфа”^{*1}. Интересно, что они говорили об этой поэме примерно то же самое, что и критики

ᚱᚱᚰᚱ ᚷᚲᚻᚱᚰ ᚻᚷᚲᚲ : ᚲᚱᚰᚲ ᚳ ᚱᚰᚰᚰ : ᚰᚰ

“Властелина Колец” о книге Толкина: “Беовульф” “не работает”, эта вещь “изначально неумна”, и “нас она никогда не увлекала”. “Правильный и трезвый вкус”, писал Толкин (ЧиК, с.257) “может отказаться признавать, что МЫ — о это гордое “МЫ”, включающее в себя всех наших современников-интеллектуалов! — способны находить для себя какой бы то ни было интерес в великанах и драконах. Как же озадачен бывает этот “трезвый вкус”, когда ему случается поймать себя на том, что он получает огромное удовольствие от чтения поэмы, повествующей, собственно говоря, именно об этих вышедших из моды созданиях!”. В 1936г. Толкин еще не мог знать, как легко и быстро расправляется “правильный и трезвый вкус” с этой “озадаченностью” (а заодно и с “удовольствием”). Однако все остальное с успехом можно отнести и к откликам критики на “Властелина Колец”. Вне сомнений, Толкин считал бы за своего рода честь то, что он, как и автор “Беовульфа”, вынудил критиков искать убежища в “потраченном молью и безнадежном “МЫ””.

На этом, однако, сходство откликов на “Беовульфа” и “Властелина Колец” еще не заканчивается. Если приглядеться к тому, что пишет Толкин в адрес критиков “Беовульфа”, можно заметить, что более всего он порицал характерную для них “моноглотию” — “одноязычность”. У него создалось впечатление, что критики способны читать только на одном языке. Возможно, впрочем, они знают немного по-французски или умеют говорить еще на каком-нибудь современном языке, но читать древние, в данном случае древнеанглийские тексты, причем хотя бы с малой толикой той дисциплинированной языковедческой интуиции, которая для этого требуется, они совершенно не способны. Они полагаются на переводы и краткие пересказы содержания, а отдельным словам никакого внимания не уделяют. “Наш век — век тушеной в собственном соку критики и литературных мнений, питающихся заранее переваренной едой”, — писал Толкин в 1940г. в апологетическом предисловии к переводу “Беовульфа”, который (перевод), как он надеялся, будет использоваться только в качестве шпаргалки, поскольку “при выделке дешевых заменителей настоящей еды переводы используются, к сожалению, чересчур часто” (с.х). Правда, к “Властелину Колец” эти слова вряд ли применимы — все-таки эта книга написана в основном на современном английском. А может быть, все же применимы? Насколько внимательно относятся критики к отдельным словам? — гадал, должно быть, Толкин, читая критические обозрения. А может быть, критики просто пробегают книгу глазами, выделяют из нее сюжет и на этом успокаиваются?

Раздражение Толкина нашло выход в предисловии ко второму изданию “Властелина Колец”, написанном в 1966г. Здесь он довольно желчно комментирует:

“Некоторые из читателей — или, по крайней мере, обозревателей — нашли ее скучной, нелепой, а то и убогой; но я не имею права жаловаться, поскольку придерживаюсь того же мнения как о том, что выходит из-под пера этих обозревателей, так и вообще о той литературе, которую они, по-видимому, предпочитают”.

Возможно, мои слова, особенно если подойти к ним строго,

Ḃḡḡ ḡḡḡḡ : ḡḡḡ ḡḡḡ ḡḡḡ : ḡḡḡ

несправедливы. Все обозреватели, с которыми мне доводилось встречаться лично, книгу, по всей видимости, все-таки прочитали, причем прочитали добросовестно, от первой страницы и до последней и вынесли из этой процедуры вполне обычное для первого чтения количество непониманий. Удивительно однако, что Эдмунд Уилсон, который заявлял, что прочитал книгу не только глазами, но еще потом и вслух, для своей семилетней дочери, — ухитрился тем не менее неправильно написать имя одного из главных героев: “*Gandalph*”, вместо “*Gandalf*” (“Гэндальф”). Эдвин Муир из “Обзервера” предпочел вариант “*Gandolf*”. Эти ошибки могут показаться незначительными, но Толкин смотрел на дело иначе. Он знал, что в английском языке буквосочетание “*ph*” служит признаком “научности”. “Научное” написание спорадически проникало в английский язык из латыни начиная примерно с четырнадцатого столетия и встречается в основном в словах греческого происхождения, таких как “*physics*” (“физика”) или “*philosophy*” (“философия”). В исконно английских словах, как “*foot*” (“ступня”), или “*fire*” (“огонь”), это буквосочетание не используется. По лингвистическим законам Средьземелья, во многом похожим на эти (законы Средьземелья изложены в Приложениях Д и Е к “Властелину Колец” — сообщая для тех, кто прочел и не заметил совершенно очевидно, что имя Гэндальф принадлежит скорее ко второму (“исконному”) ряду, нежели к первому (“ряду заимствованных научных терминов”). Соответственно, написание “*Gandalph*” должно было, в глазах Толкина, выглядеть столь же напыщенно, как если бы кто-нибудь вздумал написать через “*ph*” какое-нибудь обыденное английское слово вроде “*fat*” (“жир”) (как “*phat*”) или “*fool*” — “дурак” (как “*phool*”), или, если уж на то пошло, “*elf*” — “эльф” (как “*elph*”) и “*dwarf*” — “гном” (как “*dwarph*”)². Толкин вряд ли мог постичь, что должно было происходить у человека в голове, чтобы эти вариации в написании казались ему ничего не значащими или не стоящими внимания. Что касается написания “*Gandolf*”, то это явное влияние итальянского. Имя *Gandolf* несколько раз повторяется в стихотворении Браунинга “Епископ заказывает себе могилу”³. Однако по отношению к произведению, автор которого всеми силами старался избежать латинизмов, такая ошибка выглядит чудовишно неуместной.

Между толкиновским видением мира и той точкой зрения, для которой написание “*Gandalph*” ничем не отличается от написания “*Gandalf*”, компромисс невозможен. Наверное, именно поэтому “Властелин Колец” (и, в меньшей степени, другие сочинения Толкина) провоцирует такое множество литературных критиков отводить глаза, путаться в написании имен, толковать о вешах, которых во “Властелине Колец” в помине нет и закрывать глаза на наиболее очевидные удаchi толкиновской прозы. Толкин полагал, что эта инстинктивная антипатия ведет свое происхождение с древних времен. Люди, которые терпеть не могли его книг, в равной степени не переносили “Беовульфа”, “Перл”(3), Чосера (4), “Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря”(5) и “Сэра Орфео”(6). В течение тысячелетий пытались эти люди навязать свои взгляды мятежной череде авторов, которые, к счастью, не обращали на них никакого внимания. В отливающей стальной предисловии к изданию поэмы “Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь” (слово “критика” здесь намеренно не упоминается) Толкин и его коллега Е.В.Гордон заявляют, что их цель — помочь читателю воспринять поэму “насколько возможно, в том же духе и под тем углом, как того предположительно желал бы автор”(с.в). Прodelать ту же операцию с Толкином было бы проще, поскольку он куда в большей степени наш современник, нежели автор “Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря”; с другой стороны, Толкин не знал себе равных по тонкости ума и иной раз вполне мог сознательно слукавить. Хотя, применяя к творчеству Толкина

ἰϫϣϫῶῃ ḥ ḡḥḥḡḥḡ ḡ ḡḡḡ ḡḡḡ

критерии “правильного и трезвого вкуса”, критерии тех “высших литературных притязаний”, которые некто Энтони Берджес надменно противопоставил “аллегориям с участием животных или фей” (“Обзервер”, 26.11.1978г.), мы ничего не добьемся. Это приведет только к заключению, что говорить тут нечего, да и не о чем. Однако существует что-то, что сделало Толкина непохожим на других, что дало ему власть так явно провоцировать эти два тесно связанных между собой феномена — общественное признание и гнев критиков.

Что такое филология?

Чем бы ни объяснять эту таинственную способность книг Толкина провоцировать и то, и другое, само собой разумеется, что эта способность имеет какое-то отношение к его основной работе. Большую часть своей активной жизни Толкин преподавал древнеанглийский, среднеанглийский и историю английского языка. При этом ему постоянно приходилось сражаться с преподавателями английской литературы — борьба шла за время, деньги, студентов и в основном не приносила никаких плодов: как бы ни преуспевал в ней сам Толкин, и он, и его предметы все равно с течением времени все дальше отходили на периферию. Судя по всему, Толкин был, как, впрочем, и все смертные, достаточно злопамятен, и эта черта характера часто проявляется в его малых произведениях. В антологии “Песни для филологов”, составленной им совместно с Е.В.Гордоном и позже (в 1936г.) изданной частным образом, содержится по меньшей мере два стихотворения с нападками на преподавателей литературы. Одно из этих стихотворений — “Два маленьких заговора” — имеет подзаголовок “Лит. и Яз.” и является худшим из всего, что написал Толкин за всю свою жизнь. Это настолько слабое стихотворение, что невольно хочется думать (или надеяться), что на полпути между поэтом и пишущей машинкой стряслось что-то катастрофическое, из-за чего текст кардинально изменился. Между прочим, с самого начала своей профессиональной карьеры Толкин не был способен употреблять слово “литература” иначе нежели в кавычках: таким образом он демонстрировал свое несерьезное отношение к этому предмету. Например, его знаменитая статья о древних текстах “Ancrene Wisse” и “Hali Meidhad”^{*4}, опубликованная в 1929г., открывается следующим замечанием:

“Ancrene Wisse” уже породил целую “литературу”, и, очень возможно, я не скажу об этом трактате ничего нового и не пролью на него никакого нового света, с точки зрения тех трудолюбивых или досужих читателей, которые следят за этой “литературой”. Я лично не следил” (“AW”, с.104).

В начале лекции о “Беовульфе” (1936г.) и в предисловии к “Сэру Гавейну и Зеленому Рыцарю” (1925г.) звучат вариации на ту же тему. Разумеется, эта повторяющаяся шутка

ᄃᄇᄆᄆᄆ ᄆ :: ᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆ ᄆᄆᄆᄆ :

на чем-то основана; по крайней мере, Толкин возвращается к ней вполне сознательно. Это основание легко отыскать, прибегнув к “Оксфордскому словарю английского языка” (в дальнейшем ОСА — М.К.), в составлении которого в молодости принимал участие и сам Толкин. Из этого словаря видно, что значение, которое Толкин в данном случае придает слову “литература”, принято авторами словаря во внимание и зафиксировано в соответствующей словарной статье под ^oЗb: это “корпус книг, статей и других текстов, которые посвящены определенному предмету”. Однако почему Толкину непременно надо было использовать именно это значение, в то время как определение под ^oЗа не так расплывчато и гораздо более адекватно? Оно определяет слово “литература” так: это “литературная продукция в целом... или, в более строгом смысле, произведения, которые претендуют на некоторое значение в области прекрасного благодаря своей форме или благодаря создаваемому ими определенному эмоциональному эффекту”. Толкина задело за живое иллюстрирующие это значение примеры, которые формируют смысловое ядро словарного определения. Шестой из этих примеров гласит: “В полной своей славе литература явилась в Англии благодаря Эдмунду Спенсеру”, т.е. в 1579г. Поначалу можно не заметить, что эта фраза дышит поистине убийственной иронией. Но если отнестись к определению ОСА серьезно, то можно поспорить с ним сразу по нескольким пунктам. Во-первых, следует ли называть “литературой” — как в определении

^oЗb — бессмысленное нагромождение книг о “Беовульфе”, “Ancrène Wisse” или “Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре”? И во-вторых, почему сами эти произведения, достаточно оригинальные и творческие, но созданные задолго до 1579г., “литературой” не считаются? Естественно, никому не пришло бы в голову обсуждать эту проблему обстоятельно и всерьез. Тем не менее Толкин полагал, что возникающая здесь семантическая путаница не так уж и случайна. Может быть, ОСА нельзя считать зеркалом истины, но по крайней мере господствующие в ученых кругах мнения он выражает сполна. Как это характерно для Толкина: обратив внимание на путаницу и неразбериху, порождаемые определениями ОСА, он использовал одно из определяемых понятий ради того, чтобы отомстить за другое: “литературе” как “книге о книгах”, мертвой латинской букве, он противопоставил древний английский “дух”.

Прежде всего эта увлеченная игра со словами говорит о том, что туманы академической политики не заслоняли от Толкина простого факта: все споры о “языке” и “литературе” изначально непоправимо отравлены неточностью этих двух терминов. В тех случаях, когда Толкину удавалось остаться беспристрастным, он соглашался с тем, что “яз.”, в качестве военного клича, звучит так же неуклюже, как и “лит.”. В своем манифесте 1930г. под названием “Оксфордская школа английского языка” он предположил даже, что оба термина следовало бы заменить на какие-то другие — скажем, “А” и “Б”. Кроме того, в этой статье недвусмысленно заявляется, что и “лингвистический”, и “литературный” подходы слишком узки, чтобы с их помощью можно было бы адекватно исследовать подлежащие анализу произведения искусства. Поэтому существующие термины не слишком-то годятся, — по отдельности, — чтобы успешно работать с этими произведениями, особенно древними. Дальше — больше: не следует “приручать” эти термины и искать компромисса между ними (большинство кафедр англистики не идут далее подобного компромисса) — надо попытаться обрести некоторую третью точку

отсчета, откуда и “лит”, и “яз.” представляли бы в наиболее выгодном освещении. Это третье измерение существует и носит имя филологии. Именно изнутри этого измерения приучил себя Толкин смотреть на мир, и, находясь в нем, писал он свои произведения. Филология — единственный подходящий проводник по Средьземелью, и можно предположить, что такого проводника одобрил бы и сам творец Средьземелья. Не вина Толкина, что в течение более чем ста последних лет “филология” и как термин, и как дисциплина все больше забредала в чашу даже еще более непреходимую, нежели “английское литературоведение”.

Словарные определения ничего не проясняют, и это симптоматично. ОСА был задуман и создан не кем иным как филологами и завоевал себе место под солнцем именно благодаря тому престижу, каким обладала в XIX веке филология, но и он не в состоянии сказать по этому поводу практически ничего дельного. ОСА полагает, что “филология” — это: 1) “любовь к учению и литературе; изучение литературы в широком смысле этого слова, включая грамматику, литературную критику и интерпретацию произведений из области изяшных искусств; ныне в этом, широко, смысле употребляется редко”; 2) “любовь к беседам, разговорам или спорам” (смысл, для филологии оскорбительный: получается, что это наука, посвященная в лучшем случае логическому разбору беседы или спора, в противовес истинной, серьезной философии! — Т.Ш.); зато пункт 3) отвоевывает обратно все, что было упущено в пункте 1), объявляя, что филология — это “изучение структуры и истории языка; наука о языке; лингвистика” (то есть, собственно говоря, подраздел пункта 1)!) Итак, “филология” — это и “яз.”, и “лит.” одновременно(7). Эти определения великодушны, но слишком расплывчаты, чтобы они могли хоть для чего-нибудь пригодиться. “Deutsches Wörterbuch”, словарь, основанный самим Якобом Гриммом(8)⁵ и от него же получивший импульс к дальнейшему развитию, определяет филологию немногим удачнее и точно таким же инклюзивным способом, а именно как “ученое исследование языков (особенно классических) и литератур”. Иллюстрирующая определение цитата из работы самого Гримма более интересна — в ней заявляется, что “нет среди наук науки более гордой, благородной и более благосклонной к спорам, нежели филология; равно нет и науки, менее милосердной к человеческим ошибкам”. Здесь, по крайней мере, указано, чего можно ожидать от этого “ученого исследования языков и литератур”. Однако если раньше вы не знали, что такое филология, само по себе отдельно взятое определение Гримма вас на этот счет не просветит.

В 1924г. еще одно определение филологии дал лингвист Хольгер Педерсен(10), однако и оно ничего не проясняет. “Филология, — говорит Педерсен, — есть наука, задачей которой является интерпретация литературных памятников, где нашла выражение духовная жизнь данного периода”(11). Остается только удивляться, откуда вдруг взялась “духовная жизнь” и куда на этот раз подевался “язык”? Не получилось исчерпывающего определения и у другого лингвиста — Леонарда Блумфилда(12), когда, год спустя, он, выступая с предложением основать Американское Лингвистическое Общество, походя, но с полной определенностью отверг термин “филологический” и отметил, что британские ученые, как правило, используют его в значении “лингвистический”, в то время как американцы предпочитают не отрываться от термина “лингвистический”, а филологию

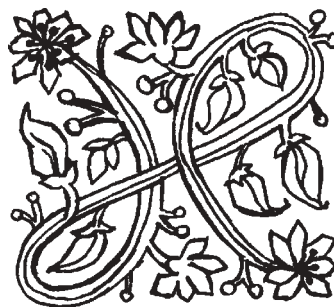
ᚠᚢᚱᚦᚢᚱᚢᚱᚢ ᚢ ᚠᚢᚱᚦᚢᚱᚢᚱᚢ · ᚱᚢᚠᚢᚱᚢ

читать скорее издалека, с некоторого расстояния, как “благороднейшую из наук, как науку о национальных культурах... как нечто гораздо более великое, нежели просто никуда не годное смешение языкознания и литературы”(13). Но некоторые британцы были далеки от того, чтобы разделить подобную позицию. Живший в XIX столетии литератор по имени Чертон Коллинз, кандидат на оксфордскую кафедру (одной из его задач в Оксфорде было, в частности, не допускать на порог более или менее перспективных кафедр англистики таких людей, как учитель Толкина Джозеф Райт) в 1891г. писал: “она (т.е. филология — Т.Ш.) слишком часто порождает или подразумевает в своем приверженце этакие характерные деревянность и непрозрачность, иначе говоря, те единственные в своем роде огрубелость чувства и слепоту нравственного и интеллектуального видения, которые во все времена характеризовали “чистых” филологов ... [филология] слишком часто заставляет нас вспомнить о том простолюдине, который несколько часов подряд слушал одну из самых выдающихся речей Цицерона и не заметил и не запомнил ничего, кроме прыща на носу у великого оратора”(14).

Подобные мнения держались в Англии долго. В 1924г. Толкин писал: “Кое-где к “филологии” относятся так, словно это одна из тех вещей, которым положила конец последняя война” (YWES 4, с.37). Когда я прочитал эти строки в первый раз, я думал, что это шутка. Однако впоследствии я узнал, что за три года до того, как они были написаны, британская Комиссия по образованию напечатала доклад “Обучение английскому языку в Англии”, где, среди прочего, заявлялось, что студентов воообще не следует обучать филологии, потому что это наука “немецкого производства” и, внося свой вклад в немецкую самонадеянность, непосредственно помогла развязыванию Первой мировой войны.

Итак, филология — это “благороднейшая из наук”; она ничем не отличается от литературоведения; она ничем не отличается от лингвистики; это немецкая наука; это классическая наука; в Америке она совсем не та, что в Европе; это наука о прыщах на носу; это “особое бремя северных языков” (определение Толкина), а также “особое преимущество, которое северные языки имеют в качестве научной дисциплины” (опять Толкин). Эта разногласица начинает напоминать “Вавилонское столпотворение” (по выражению Толкина) мнений по поводу “Беовульфа”, которое так яростно высмеял Толкин в лекции, посвященной этой поэме. Правда, в случае “Беовульфа” финальный хор исследователей восклицает: “Эта вещь достойна изучения!”, а в случае с филологией он явно не будет звучать столь слаженно. Итак, на вопрос “что есть филология” единодушного ответа не существует. Но, по крайней мере, мало кто из авторитетов оспаривает, что это слово уже перестало использоваться в самом расплывчатом из смыслов ОСА (“любовь к беседам” или “любовь к учености”). Оно получило новый смысл в 1786г., когда сэр Уильям Джонс(15) заявил Бенгальскому Обществу в Калькутте о том, что санскрит слишком сильно напоминает латынь и греческий, чтобы это сходство можно было счесть простым совпадением; по всей вероятности, сообщил сэр Джонс, все три языка, наряду с германскими и кельтскими, “произошли из некоего общего первоисточника, которого, возможно, уже не существует”(16).

Конечно, эта мысль не могла не придти в

ᚱᚢᚳᚢᚱᚢ ᚱᚢᚳᚢᚱᚢ : ᚢᚢᚱᚢ ᚱᚢᚱᚢ ᚱᚢᚱᚢ

голову многим людям и до 1786г., поскольку даже между английским и, например, латынью сходств достаточно (например, в названиях чисел: “раз, два, три” звучит по-английски как “one, two, three”, а на латыни — “unus, duos, tres”), чтобы навести на мысль о том, что между этими языками может существовать какая-то связь. Однако до середины XVIII века все подобные догадки немедленно разбивались о великие рифы межъязыковых различий, окружавшие немногочисленные совпадения. В конце концов, основное, что знали тогда о языках — это то, что они настолько не похожи друг на друга, что учить их можно только по одному за раз. Джонс и его последователи привнесли в эту проблему существенное изменение: согласно их догадке, искать следовало не случайных совпадений — этот метод уже был ранее использован для того, чтобы “доказать” родственность языков по всей карте мира — а повторяющихся с некоторой закономерностью изменений. Слово *бэд* на современном фарси звучит так же, как и английское *bad* (“плохой”), и означает точно то же самое. Но, как отметил еще в 1833г. А.Е.Потт(17), это как раз не более чем совпадение. А вот персидское слово “кхвахар” (“сестра”) действительно происходит от того же слова, что осетинское “ксо” и оба слова родственны английскому “sister”; осетинское и английское слова тоже означают “сестра”(18). Более того — между ними можно вставить промежуточные звенья, а иногда и реконструировать недостающие(19). Как и многие другие революции в области разума, эта, лингвистическая, тоже шла вопрекор здравому смыслу с его “очевидностями” и “не может быть, потому что не может быть никогда”. Кроме того, она была в значительной степени *компаративной* (сравнительной) по характеру, поскольку использовала много языков, объясняющих и дополняющих друг друга; а поскольку различные стадии развития одного и того же языка тоже можно сравнивать между собой, то революция была прежде всего еще и исторической. “Филология показывает нам генезис тех законов языка, которые грамматика созерцает в качестве конечного результата”, — говорится в цитате, приводимой в ОСА (1852г). Автор этих слов подразумевал под “филологией” нечто отличающееся от всех остальных определений ОСА (см. с.7, выше); он имел в виду *компаративную* филологию, науку, вдохновенную сэром Уильямом и донесенную, через посредство длинной цепочки наследников сэра Уильяма, до самого профессора Толкина. Кстати, уверенный тон, каким говорится о “генезисе” в приведенной цитате, был для того времени весьма характерен.

И действительно, к 1852г. “новая филология” могла с удовлетворением оглянуться на одержанные ею к тому времени победы, которых насчитывалось уже немало, причем в грядущем ее ожидало еще несколько триумфов; можно наугад указать, например, на первоклассное эссе Расмуса Раска(20) о древнеисландском языке (1814г.) и об отношении скандинавских языков к славянским, кельтским, финскому и классическим; или, например, на гигантскую “Сравнительную грамматику”, иначе “Vergleichende Grammatik” Франца Боппа(21) (1833-49г.), охватывающую санскрит, зендский и армянский языки, греческий, латынь, литовский, старославянский, готский и немецкий; или “Немецкую грамматику” Якоба Гримма (1819г.) и все те многочисленные труды, которые последовали за перечисленными(22). Все эти работы шлифовали и отшлифовывали ярко выраженный *систематический* характер открытия, который с течением времени все полнее находил выражение в слове “законы” (см. приведенную выше цитату из ОСА), по аналогии с законами физики или химии. Аналогия усиливалась еще и тем, что законы обычно сопрягались с именами их изобретателей: закон Гримма,

ᠠᠲᠤᠮᠠᠨᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠢ · ᠰᠢᠴᠢᠨᠠᠨᠢ

закон Вернера, закон Кюна, закон Томсона и т.д. В соответствиях, которые вскрывают эти законы с такой детальностью и в таком изобилии, всегда было и до сих пор есть нечто исподволь завораживающее. Латинское слово *pisces* — по наблюдению Якоба Гримма, то же самое слово, что и древнеанглийское *fisc*, да и, конечно, современное английское *fish* (“рыба”); *pes* — то же, что и *foot* (“ступня”), *pellis* — *fell* (старинное английское слово, означающее “кожа”, при том что в современном английском “кожа” = *skin*). А как насчет *porcus* (“свинья”, лат.) и *pig* (то же самое, англ.)? Чередование *p/f* здесь как будто бы не соблюдается. Что ж, замечает Гримм, на этот случай имеется древнеанглийское слово *fearth*, которое всем законам соответствует; от этого слова происходит более современное, хотя, правда, устаревшее и на сегодняшний день сохранившееся только в диалектах слово *farrow* — “опорос”(23). Мельница сравнений не довольствовалась стандартизированными “литературными языками”; со временем она стала требовать все больше и больше зерна из словохранилищ со старыми, диалектными или нестандартными словами. В ответ она, во-первых, дарил исследователям все усиливающееся ощущение, что при наличии времени и материала прояснить можно все, что только захочется, а во-вторых — создавала все возрастающее напряжение между современными значениями

слов, которые носитель языка употребляет в течение всей жизни, и теми значениями, которыми, как представляется, эти слова обладали в древности. “Дочь” в современном хиндустани звучит “*бети*”, по-английски — “*дотэ*” (*daughter*). Однако английский и хиндустани связаны между собой, и в данном конкретном случае эта связь пролегает через слово “*dudh*” — “молоко”. По-видимому, в древности существовало некое родственное обоим слово, напоминавшее, скорее всего, санскритское *duhitar*. Оно означает “маленькая доярка”. Доили скот, как правило, именно дочери, так что постепенно конкретная работа и конкретная степень родства в сознании людей перемешались. Это смешение “разворачивает перед нами маленькую идиллию поэтической жизни ранних пастухов-арийцев”, — с воодушевлением восклицает по этому поводу Макс Мюллер(24), чьи лекции по сравнительной филологии имели такой успех, что в 1860-е годы и позднее интерес к этой науке вспыхнул не только в ученых кругах, но и в среде лондонского высшего света. Сравнительная филология вошла в моду; она повествовала не только о словах, но и о людях.

Однако ближе к концу XIX столетия все пошло вкривь и вкось. Как явствует из всего, что когда-либо говорил Толкин о литературе и филологии, он чувствовал, что поднял падающий флаг, который, слабея, выпустили из рук его предшественники; он чувствовал, что встал в ряды проигрывающих в академической игре, которая к тому же, возможно, велась нечестно, хотя с уверенностью этого утверждать нельзя. Почему все пошло именно так, а не иначе? — не переставал он, должно быть, удивляться. Почему филология столь постыдно не выполнила обещаний? Возможно, кратчайший ответ на этот вопрос таков: вся беда в том, что компаративная филология зиждется на тяжелом,

ṛṣṭjṃṃ ṁṁṁ : ṁṁṁ ṁṁṁ ṁṁṁ

изнурительном труде. Есть нотка зависти в той изумленной похвале, которой удостоил Толкин “скушных, но солидных зануд” Лидского университета (ХК, с.104), где — по одобрительному наблюдению Толкина — “правит бал” именно филология, а “о журналистской банде и слуху нет” (П, с.11). Ибо в других местах дела обстояли иначе. “Нет среди наук, — сказал о филологии Якоб Гримм, — науки более гордой, благородной и более благосклонной к спорам”, но “равно нет и науки, *менее милосердной к человеческим ошибкам*” (курсив мой. — Т.Ш.). Все, кто практиковался в этой науке, должны были принять на вооружение идеологию строжайшей аккуратности, принципиально полного охвата предмета, философию окончательного “да” или окончательного “нет”; сегодня трудно даже поверить, до какой степени это было серьезно. Например, в 1919г. почтенный, убеленный сединами филолог Эдвард Сиверс с легким сердцем поставил на кон свою репутацию, согласившись на эксперимент, состоявший в следующем: Сиверс должен был проанализировать текст, который вызвался предоставить ему некто Ханс Лицманн, и, на основе чисто языковых свидетельств, выяснить, сколько у этого текста авторов. За составление текста, которое происходило в тайне от Сиверса, отвечал Лицманн. Перед этим Сиверс уже продемонстрировал свой метод применительно к письмам апостола Павла. Сиверс истолковал предоставленный ему Лицманном образец совершенно неправильно, однако никто не заявил, что нечестной де является сама идея подобного испытания(25). Вернемся еще немного в прошлое. Открытия Гримма и его последователей, вплоть до Фердинанда де Соссюра (ныне знаменитого в качестве изобретателя “структурализма”, однако некогда подвизавшегося в филологии в качестве простого исследователя “аблаута”(26) все в большей степени преподавались студентам в виде множества фактов, объединенных в системы, оторванные от реальных текстов, из которых были почерпнуты”. “На английском факультете обязательно нужно преподавать и филологию, — писал в 1887г. исландист Ф.Йорк Пауэлл, — в противном случае прощай, точность”(27). Это опасение было ложным. Точность возможна и в других дисциплинах, не только в законах звукоизменения; но для науки, которая семьдесят лет шла только в гору, это высказывание дышит прямо-таки самоубийственной скромностью. Вернемся еще дальше в прошлое. Р.У.Чэмберс(28), который в 1925 году вместе с Толкином претендовал в Оксфорде на место профессора кафедры англосаксонского языка, но снял свою кандидатуру (а кафедра в результате досталась Толкину), подытожил успехи и падения филологии таким наблюдением: по его словам, в 1828г. “адепт сравнительной филологии был подобен Улиссу”, однако “недоброжелатели могут сказать, что проведенная мною параллель верна даже с избытком и те, кто изучает сравнительную филологию, подобно Улиссу (Улиссу Данте — Т.Ш.(29)), обрели в результате своих странствий только гору Чистилища (Закон Гримма, Закон Вернера, Закон Грассмана, вздымающиеся впереди один за другим подобно ужасным чистилишным уступам(30)), и были подавлены этим зрелищем”(31). Недоброжелатели

ᚷᚰᚱᚰᚰᚰ :: | ᚱᚱ ᚱᚱᚷ ᚱᚱᚰᚰ ᚱᚱᚷᚰᚰ :

именно так и сказали, и их точка зрения со временем возобладала: компаративная филология, понимаемая как “гипотетические изменения звуков в первобытных германских лесах”(32), претерпела упадок почти столь же стремительный, как перед тем взлет.

Вот почему слово “филология”, имевшее поначалу расплывчатое значение “любовь к учености”, в девятнадцатом столетии получило новое значение — “изучение текстов с целью сравнительного исследования языков, на которых они написаны, дабы лучше понять законы развития этих языков”. А в двадцатом столетии появилось специализированное мнение, родившееся в недрах факультетов англистики, а именно — что филология есть “антилитературная наука, хранимая педантами (вроде профессора Толкина), наука, которой нужно как можно скорее положить конец”. Однако эти интересные семантические сдвиги оставляют кое-что за бортом, а именно “духовную жизнь” (в сторону которой сделал реверанс Хольгер Педерсен), а с ней заодно и “национальную культуру”, которой просалютовал Леонард Блумфилд, — или, иными словами, “Волшебные сказки” братьев Grimm.

Примечания переводчиков

^{*1} Беовульф — древнеанглийская эпическая поэма; дошла до нашего времени в единственной рукописи, датируемой X веком. Впервые издана в 1815г. — М.К.

^{*2} Отдаленная аналогия на отечественном материале: правила старой орфографии указывали, что в определенных русских словах греческого происхождения звук “и”

должен был обозначаться буквой “ижица”(v), например, “тvпография”, “vпостась”. Если бы кто-нибудь вздумал писать через “ижицу” обыкновенные обиходные слова типа “свинья” или “вишня” (“свvнья”, “вшvня”), эффект получился бы комический. — М.К.

^{*3} Действие стихотворения происходит в Риме. — М.К.

^{*4} Буква *ð* используется в древнеанглийских, среднеанглийских и древнеисландских цитатах на всем протяжении данной книги. Как и другая руническая буква, дожившая почти до современной эпохи — “*þ*” — она обозначает тот же звук, что и буквосочетание “th”. *Meiðhad* = *Meith-had* = *Maid(en)hood* (“Девственность”), так что название переводится как “Святая Девственность” — М.К.

^{*5} Якоб Grimm, вероятно, заслуживает титула величайшего филолога всех времен и народов. Именно ему обязаны своим подлинно филологическим духом и “Гриммовский закон о согласных”(9), и “Волшебные сказки братьев Grimm”. — М.К.

продолжение следует...

